

[Polaris]

Владимир Гадзинский

КОНЕЦ

Фантастическая повесть

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CVIII

Salamandra P.V.V.

**Владимир
ГАДЗИНСКИЙ**

КОНЕЦ

Фантастическая повесть

Издание второе,
дополненное

Salamandra P.V.V.

Гадзинский В. А.

Конец: Фантастическая повесть. Пер. с укр. М. Фоменко. Изд. 2-е, доп. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 68 с. – Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CVIII).

Курьезная научно-фантастическая повесть украинского поэта и писателя В. Гадзинского (1888-1932) рисует величественную картину коммунистической утопии XXVII века. Но не все так благополучно в новом мире: затеянные людьми изменения климата приводят к глобальной катастрофе и гибели человечества... В книге также публикуется «материалистическая поэма» автора «Эйнштейн», проникнутая духом биокосмизма (во 2-м издании поэма приведена полностью в сопровождении биографических материалов). Эти произведения В. Гадзинского впервые переводятся на русский язык.

ВОЛОДИМИР ГАДЗІНСЬКИЙ

КІНЕЦЬ

ФАНТАСТИЧНА ПОВІСТЬ

ОДЕСА — „ГАРТ“

КОНЕЦ

Фантастическая повесть

БЕНО

Бено поднял с письменного стола трубку телефона, нажал кнопку электрического зеркала, отражающего лицо абонента, и — ждал.

В зеркале появилось молодое энергичное лицо заведующего ЦЕТАЗ (Центральное телеграфное агентство Земли), которое находилось тогда, в 2683 году старой эры, примерно на том месте, где в 1920 году той же эры располагался Нью-Йорк. Бено говорил из Москвы, куда прилетел на несколько дней на одном из крупнейших воздушных кораблей; сюда, как некогда (700 лет назад) в Иерусалим и Рим, съезжались люди всех стран, желая посетить и осмотреть огромное количество исторических памятников времен давнейшей Октябрьской революции и ее первых десятилетий. В Москве, кроме большого числа чрезвычайно интересных музеев, архивов и зданий минувшей эпохи революционной действительности, можно было увидеть также громадный центральный дом-музей, чьи колоссальные корпуса занимали почти половину Ходынки. В этом музее были размещены сотни статуй революционных героев, изображенных в наиболее характерных позах, пластические модели октябрьских боев, исторических заседаний и съездов ВКП, союзных советов и центральных исполнительных комитетов, героических сражений Красной армии и т. д.

Бено был членом Совнаркома мировой республики советов, и на его бритом, сдержанном лице лежала тень неуверенности и ужаса.

— Какие сведения и депеши получены из африканского региона¹, — спросил он Рольфа твердым, решительным голосом, — только не официальные, а — настоящие?

¹ Земля — мировая республика советов — была разделена на два основных сектора — воды и суши. Они подразделялись на регионы, которые соответствовали 5 океанам и 5 континентам. Названия у регионов сох-

Молодое лицо Рольфа сморщилось в электрическом зеркале:

— С каждой минутой все хуже. С аэропланов радируют шифровками, что там с секунды на секунду начнется распад континентов. Они словно погружаются в глубины вод. Связь с некоторыми погибающими районами имеется — отвечают радиостанции Мадагаскара и Каира. На основании электроснимков и радиодонесений, положение следующее:

Весь африканский регион стал жертвой невиданной в истории Земли постепенной внутренней трансформации; согласно сводкам, полученным за последние полчаса, она впервые начала проявляться приблизительно в районе Килиманджаро и Кении, в окрестностях центральной тепловой станции, питаемой энергией тропической полосы. Всякие известия оттуда, из центра процесса, постепенно замирали. Три минуты назад я также говорил с Триполи и Капландом, которые направили сюда, ко мне, депеши с призывом выслать спасательные воздушные флоты. Они уже вылетели. Но, вероятней всего, даже на самой полной скорости долетят слишком поздно... По сообщениям с аэропланов, африканский регион окутан густыми облаками дыма и пара, так что снизиться на высоту менее 700-800 метров невозможно. Электрофотоснимки показывают серые облака, сквозь которые ничего не видно. Из всех прибрежных городов европейского региона Ока Коммуны (Средиземного моря), а также Аравии и Индии сообщают о подъеме уровня моря или погружении поверхности земли. Нет времени разбираться... Опасаются наводнения. Сейчас сообщают, что Мадагаскар и Каир перестали отвечать...

Бено больше ничего не спрашивал и сказал:

— Я беру с собой астронома Андреева и геолога-тектоника Бергмана и с инженером Желенским отправляюсь на место катастрофы. С тобой буду держать связь по радио.

В электрическом зеркале Рольф кивнул головой, слышалось слово «хорошо».

ранились исторические, например: «африканский», «азиатский», «американский» и т.д..

Бено нажал на вторую пуговицу-кнопку. Зеркало показало другого молодого человека, Владимира Октябрьского (сокращенно именуемого «Октябрь»), секретаря Бено. Поникший, он сидел за столом, покрытым бумагами и кнопками телефонов.

— Октябрь, немедленно уведомить председателя Земсовнаркома, что я отправляюсь на место катастрофы. Беру с собой ученых Андреева и Бергмана и инженера Желенского. Сейчас 9-й час утра. Прошу председателя Земсовнаркома созвать заседание Земсовнаркома в Пекине, куда будет удобней приехать товарищам из американского, европейского и австралийского регионов. Можно, я думаю, назначить на 12 часов. О нашем местоположении будем радировать Рольфу из ЦЕТАЗ в Нью-Йорке. Ты едешь с нами. Через 15 минут буду на аэродроме № 115. Андреев и Бергман извещены. Желенский со мной.

Отодвинул зеркало и трубку и встал из-за стола.

Бено был человеком молодым, из того поколения железных людей, что закалялось десятки лет по окончании коммунистической революции. После полуторавековой борьбы с экономической системой капитала коммунистические идеи завладели большей частью общества и классов земного шара. Полтора века продолжалась борьба труда с капиталом за политическую власть и реорганизацию экономики на социалистических основах. В конце концов экономический фундамент мирового господства капитала был разрушен. После победы в 2071 году, на восстановление мирового хозяйства и культуры потребовалось еще около века, и этим периодом (около 2170 г.) датируется начало величайшей эпохи развития — *золотого века коммунистической культуры*. В течение этого времени (между 2070 и 2170 годами) на Земле исчезла неграмотность. Для письма использовалась только усовершенствованная система стенографии. Развитие культуры, с одной стороны, шло снизу, путем вовлечения и участия в ней самых серых низов человечества давешней капиталистической эпохи и бывших колониальных народов, которые были бы уничтожены и исчезли с лица Земли (как некогда краснокожие обитате-

ли Америки), если бы на ней продолжалось господство капитала. С другой стороны, крайне сложное экономическое положение, вызванное полуторавековой борьбой (с 1917 до 2071 г.), обострило предприимчивость людей. Прикладные сферы науки, в том числе экономические и технические, развивались невиданно быстрыми темпами.

В период катастрофы, в африканском регионе мировой республики советов развитие техники и хозяйства приобрело особенно грандиозные формы. Бедных и голодных на всей Земле больше не было. Любой гражданин, предъявив трудовое удостоверение, получал все необходимые для жизни продукты питания, жилье и предметы культуры. Прочие документы были уже ни к чему. Человечество, коллективно и индивидуально, достигло высокого общественно-этического уровня. В Земсовнаркоме носились с проектом — планировали отмену трудовых удостоверений. Каждый человек по своей воле, как можно более вдумчиво и тщательно, выполнял отведенную ему норму общественного труда.

Коммуникации перенесли с земли в воздух. Железнодорожные пути и разбитые каменные дороги утратили свое экономическое значение. Служили они только для прогулок на расстояние не более 50-100 км., когда надоедало летать в небесных просторах.

Одним из наиболее важных открытий и технических достижений стало завершение в 2392 году строительства системы центрального обогрева земного шара — Центрообоземшара. Принцип этого гигантского предприятия был очень простым. В районах тропической полосы (главным образом в центральной части африканского и американского регионов) были построены громадные конденсаторы горячего тропического воздуха. Нагнетаемый воздух с большой скоростью расходился по распланированной сети подземных и подводных каналов. Сеть со временем удалось расширить на весь земной шар. Успех этого предприятия имел огромное значение для культуры. На всем земшаре климат и температура воздуха уравнились. Подземные и подводные каналы, под давлением гигантских турбин, движимых морскими приливами и отливами, выб-

рассылали потоки горячего тропического воздуха в бывших царствах вечной зимы, ледников и смерти. Тем самым была относительно (механически) снижена температура тропической полосы.

Сахара, Калахари, Аравия превратились в страны высокой сельскохозяйственной культуры. Гренландия, Сибирь и Патагония получили климат, подобный европейскому. Центральная станция по использованию тепловой энергии тропической полосы находилась в окрестностях Килиманджаро и Кении, на широких равнинах у самого экватора. Она представляла собой единый непрерывно тянувшийся фабричный город, широко раскинувшийся на площади, примерно равной площади Ирландии, и где-то в 3000 раз превышающей площадь заводов Круппа в Эссене в 1914 году дореволюционной эры. В этом огромном промышленном городе, который являлся образцовой заводской коммуной, работали более 25,000,000 граждан коммунистического общества. Пролетариата в то время уже не было. Классы исчезли.

Понятно, какое жизненно важное значение имела для тогдашнего человечества весть о страшной катастрофе в африканском регионе. Это означало:

Возвращение к варварской эпохе разных температур.

То была гибель наиболее важного изобретения золотого века коммунистической цивилизации и человечества.

И потому холодное бритое лицо Бено казалось высеченным из белого мрамора — с желтым отблеском китайской расы. В нем смешались две расы. Его отец был китайцем, членом Всемирного центрального исполнительного комитета (ВЦИК), мать — европейкой с черноморских берегов. В одну секунду промелькнули в его голове сотни мыслей, одна из которых, будто железный, раскаленный добела обруч, жгла мозг:

Возвращение к варварской эпохе разных температур.

Спустился по боковой лестнице к лифту, съехал вниз, прямо в гараж, где ждал инженер Желенский. Сели в автомобиль и мигом добрались до площади им. Свердлова, где рядом в 25-этажном доме жил проф. Андреев. У него их должен был ждать их геолог-тектоник Бергман.

МОСКВА — АФРИКАНСКИЙ РЕГИОН

Мощный самолет с пятью пропеллерами вихрем мчался над европейским регионом. За двадцать пять минут преодолел путь от Москвы до Карпат, проплыл над Татрами (Гевонтом) и продолжал неостановимый полет в направлении Ока Коммуны. В кабине-кабинете, служившей одновременно спальней и библиотекой, сидели пятеро: Бено, Октябрь, инж. Желенский, проф. Андреев и проф. Бергман.

Между ними шел разговор, который записывал стоявший в углу кабинета аппарат — стенограф-граммофон. Вот протокол этого заседания, состоявшегося во время полета:

Бено. Тов. Бергман — ваше мнение о причинах катастрофы и ее характере?

Проф. Бергман. Насколько я имел возможность узнать из материалов и сводок ЦЕТАЗ, таких катастроф в истории человечества было немного. Припоминаю историю — предпоследняя подобная, однако миниатюрная катастрофа датируется 6-м годом революционной эры и случилась в Японии. А последняя, перед сегодняшней, произошла в американском регионе в 71 году рев. эры. Она уничтожила Нью-Йорк и помогла начать революцию в Америке, бывшей тогда центром капиталистической реакции и командным штабом по борьбе с пролетарской революцией. Но — чтобы в течение получаса, как говорят нам (секретные) сообщения Рольфа из ЦЕТАЗ, замерла вся жизнь африканского региона и сам он...

Тихий сигнал — звонок радиотелефона прервал доклад профессора.

Октябрь взял трубку, а другой рукой с помощью графического аппарата показал на небольшой настенной таблице, как на экране, текст депеши.

ЦЕТАЗ сообщал: «Северные станции европейского и азиатского регионов извещают о понижении температуры, ускоряющемся с каждой секундой. То же происходит в южной части американского региона. Центральная американская, напротив, сообщает о повышении температуры. Станции центрального обогрева массово жалуются: турбины перестали снабжать каналы горячим воздухом».

— Председатель Земсовнаркома просит каждые 15 минут посылать ему отчеты о нашей работе и местоположении. Также передают телеграмму Э. Келлер, которая беспокоится об успехе нашей поездки и хотела бы присоединиться к нам по пути, между Пекином и Калькуттой, куда она вылетит в начале 9-го... — договорил вслух Октябрь.

— Хорошо, — сказал Бено, — прошу продолжать, т. Бергман.

— Как я уже говорил, — произнес проф. Бергман, — такой катастрофы еще не было в истории человечества. Причину ее весьма трудно установить. Возможно, равновесие температур вызывает, в сравнении с прошлым геологическим периодом, сжатие земной коры в одних регионах, в других же, наоборот, расширение — так сказать, «вздутие». Такова и может быть причина катастрофы. Возможно также, что мы видим начало того геологического процесса, который наука предвидела очень давно, описывая его характер как «распад континентов». Это означает — земшар дошел до такой стадии, когда однородные слои, составляющие его массив, по неизвестным в точности причинам приобрели тенденцию к движению, направленному на выравнивание своего удаления от центра движения данного земного массива. В данном случае, в местах с относительно высоко расположенными территориями земкора будет постепенно уходить под поверхность воды. В подводной земкоре возникнут сходные тенденции движения отдельных однородных пластов с целью объединения с молекулами этого пласта на слое, равномерно удаленном от центра земшара. Таким образом, над слоем так наз. «земли» — земкоры — образуется сперва слой воды, а над ним останется

слой воздуха различного сгущения. Иными словами, зем-шар, как планета, приобретет форму скопления параллельных и однородных шаровидных слоев, лежащих друг на друге, подобно детской игрушке из полутора десятков шаров, вложенных один в другой. В середине — в центре движения — наименьшие шары с наибольшим удельным весом — платина, золото и т.д. Затем другие металлы, минералы; на краю так называемой «земкоры» — частицы органического происхождения, над ними вода, дальше воздух и т. д. *Эта система однородных шаровидных слоев сливается или постепенно растворяется в так называемом пространстве.*

Если наша катастрофа развивается согласно второй гипотезе — человеческую цивилизацию не спасти. Настанет несчастливый конец. Если перед нами первая комбинация — катастрофа закончится уничтожением некоторой части зем-районов, которые покрывает вода.

Мое личное мнение (я могу ошибаться), — завершил свои выводы проф. Бергман, — что мы имеем дело со второй гипотезой, т. е. — должны быть готовы к окончанию человеческого периода в истории нашей планеты.

— Ваше мнение, т. Андреев — обратился Бено ко второму специалисту-астроному. — Согласны вы со взглядами проф. Бергмана или нет?

Проф. Андреев, в глубокой задумчивости выслушавший речь проф. Бергмана, пожал плечами и медленно, точно вынося смертный приговор, начал чеканить слова: «По всей вероятности, проф. Бергман не ошибается. Судя по масштабу и скорости катастрофы, следует ожидать худшего. Но хуже всего то...»

Его прервал ему возглас Октября; тот в это время одной рукой придерживал трубку телефона, второй регулировал подозрительную трубу, в которую глядел с напряженным вниманием.

— Половины Италии не видно. Южная часть в дыму и тьме, затоплена водой до самого Неаполя... От пятисот до

тысячи метров под нами — воздушные флоты со знаками американского и азиатского районов, ведут спасательную операцию....

Телефонирует Рольф: «Австралийский бассейн сообщает о землетрясении небывалой силы. Новая Зеландия на вызовы не отвечает...»

— Хуже всего то, — продолжал прерванную фразу проф. Андреев, — что мы не в силах уменьшить скорость распространения катастрофы. Если не случится никаких неожиданных, это означает, что до вечера со всем человечеством и его историей может быть покончено.

Бено, соблюдая очередность, обратился теперь к инж. Желенскому, внимательно слушавшему выводы ученых специалистов, и спросил:

— Какие технические возможности и средства могут позволить хотя бы нескольким людям пережить катастрофу и дожить до завтра, чтобы *убедиться в гибели континентов и человечества*, — *и увидеть земной шар каплей воды в пространстве?*

— При наших технических возможностях это дело несложное — поскольку в Пекине, на заседании, мы будем в 13 часов дня, можно погрузить на наш знаменитый биплан аккумуляторы и провиант на шесть человек. Этого хватит до двенадцати часов завтрашнего дня, т. е. на 24 часа. Можно также взять два резервных аэроплана с запасом аккумуляторов и провизии еще на 24 часа. Больше нам, я считаю, не потребуется, тем более что...

— Товарищи, — вмешался вдруг Октябрь (он на протяжении всего разговора смотрел вниз), — мы пролетели сейчас над Оком Коммуны, но нет ни следа Туниса, Триполи, Марокко. Повсюду только рассеянный дым или пар и вода, вода без конца и края...

Биплан снизился к черной и грозной водной бездне, которая погребла под собой бывший африканский район, и

пошел на высоте примерно 300 метров над поверхностью воды.

В этот момент облака дыма и пара быстро развеялись. С такой высоты даже невооруженным глазом можно было различить изредка проплывавшие обломки деревянных частей зданий, предметы легче воды из пробки и дерева. Время от времени на черной поверхности моря виднелись еще более черные пятна — трупы негров, или желтоватые пятнистые очертания утопленников белой или желтой расы.

Ни единый звук или движение не указывали на совсем недавно существовавший громадный континент с высоко развитой культурой и 900-миллионным населением, жившим в 2683 году в африканском регионе. Не было и никаких следов пароходов и кораблей, которые в эту эпоху, хотя и утратив свое экономическое значение, все еще оставались в употреблении. Как видно, все они погибли в водоворотах, возникших при затоплении континентов.

— Держаться прямо по меридиану Килиманджаро, — передал Бено механику и летчику.

Он продолжал:

— Направимся к месту, где был Мадагаскар, оттуда резко свернем влево и полетим обратно в Азию, прямо в Пекин. Октябрь, ты посылаешь сообщения в Пекин и Рольфу в Нью-Йорк?

— Да, — утвердительно кивнул головой секретарь.

— Кроме своих радиogramм, передай следующее, — сказал Бено.

Октябрь подсел к похожему на пишущую машинку аппарату и, слушая, стал нажимать на соответствующие клавиши радиопередатчика:

«Комиссией установлено (вы контролировали линию нашего продвижения, т. Андреев? — Профессор подтвердил), что африканского региона больше нет. Летим над безбрежным океаном. Через десять минут достигнем места, где находился Мадагаскар. Оттуда, через Калькутту, повернем на Пекин. Думаю, к тому времени Азия еще не будет затопле-

на. Получаем ответы из Нью-Йорка. Европейский регион,
виденный нами по пути, постепенно тонет. Двадцать минут
назад половина Италии была уже затоплена. *Бено*».

МАДАГАСКАР — ПЕКИН

Волны индийского водного региона все выше вздымались над берегами Индии. Ганг вышел из берегов. Сотни тысяч людей бежали в сторону Гималаев на аэропланах, машинах, грузовых автомобилях и т. д. Все расы, чьи различия понемногу отмирали, безумным потоком охватил ужас — страх смерти и стремление спастись. Катастрофа наступила неожиданно — и теперь с каждой секундой квадратные километры земли исчезали под водой.

Калькутта была затоплена до половины высоты зданий. Волны захлестывали буквально весь город и неустанно поднимались все выше.

Над Калькуттой несясь с бешеной скоростью аппарат Бено. На фюзеляже — большие красные буквы: З. С. Н. К. (Земсовнарком). Над самым центром города с незатопленной части тонувшего в водах континента поднялся небольшой самолет и быстро приблизился к аппарату Бено.

— «Берлин», — сообщил Октябрь. — Элли Келлер и Фриц Гутман вылетели навстречу, чтобы пересечь к нам и вместе лететь в Пекин. Уже приближается — Берлин сигнализирует «тихий ход».

И действительно, самолет «Берлин» шел наперерез их аэроплану, который настолько сбавил скорость, что, казалось, неподвижно завис в воздухе. Когда самолеты сблизились, «Берлин» также перешел на тихий ход и чрезвычайно медленно полетел на высоте пяти метров над самолетом Бено. Самолеты почти поравнялись, и «Берлин» словно повис над «Урицким» (так, в память известного героя революции, назывался самолет Бено). Из каюты «Берлина» спустилась и развернулась веревочная лестница с человеком на ней. Человек мгновенно поймал ногами платформу «Урицкого», расположенную между плоскостями верхних крыльев, где и остался. Затем спустился по крутой лестнице с платформы и вошел в кабину аппарата Бено. «Берлин» повернул и полетел неподалеку от «Урицкого».

Элли Келлер, председатель регионального европейского Совнаркома и одновременно жена Бено, уверенно и смело поздоровалась с присутствующими.

— Получены ли новые известия? — спросила она решительным и твердым голосом. — На протяжении 15-20 минут после отъезда из Берлина я не получала никаких сводок. На маленьком «Берлине» не было радиоаппарата.

Обратилась к Октябрю:

— Немедленно радируйте в Берлин — адресованные мне сообщения пусть направляют на самолет Бено, но только до 12:00. Я сейчас между Калькуттой и Пекином.

Обернулась к Бено и оба сели в сторонке, у окна каюты. «Урицкий» летел как вихрь, мощь всех моторов гнала самолет по прямой в Пекин.

Слева оставались тонушая Индия и заснеженные Гималаи — справа Сиам и Индокитай.

Элли тихо спросила Бено:

— Что говорят твои специалисты?

— Полагают, что все закончится в 6:00 сегодня вечером — понимаешь? К 6:00 не останется никаких следов человеческой жизни. Земля превратится в безграничный круглый океан, а главными обитателями ее, в лучшем случае, сделаются рыбы. Кто знает, не останутся ли к 3 часам Пекин и Нью-Йорк единственными незатонувшими городами? Похоже, ЦИК поручит мне погибнуть последним из людей. Мне доверят задачу увезти и до последнего мига охранять печати земреспублики и выполнить последний приказ ЦИК — а именно, сколько возможно, облетать на самолете Землю. Думаю, мы останемся вдвоем — ты, я и Желенский, как техник. На всякий случай, Октября не пустят...

— Посмотрим, что будет, — твердо сказала Элли.

Катастрофа с каждой минутой расширялась и уничтожала все большие участки континентов. Ее жестокий трагизм мгновенно превратил пассажиров самолета в машины; исчезли чувства — осталась только мысль: выдержать до конца.

Радиоаппарат разбил своим звоном недолгую тишину. Октябрь схватился за трубку и услышал:

«Рольф сообщает, что делегаты Совнаркома американского региона вылетели в Пекин. Не отвечают станции: Лондон, Мадрид, Константинополь, Буэнос-Айрес, Мельбурн. Согласно картограмме бедствия, уцелели лишь Азия и Северная Америка, которая начинает, однако, тонуть или распадаться с северной части, от залива Гудзона. Панамский канал и Центральная Америка исчезли к половине одиннадцатого утра».

— Виден Пекин, — сказал проф. Бергман.

«Урицкий», будто из последних сил, вновь взревел всеми моторами и начал медленно спускаться к огромному городу, смутно проступавшему в синеющих далях....

Октябрь дал радиотелеграмму исполкому:

— Две машины на аэродром. Сообщите главе Земсовнаркома, что экспедиция Бено прибыла. Элли Келлер и комиссия ученых с нами.

Через две минуты он принял сообщение:

«Заседание ЦИК ЗСНК — в палате “Нового Китая”. Все ждут».

Было без 10 минут 12:00.

В ПЕКИНЕ

Бено и Элли Келлер вошли в прекрасную палату «Нового Китая» в стиле китайского ренессанса, который начал входить в моду еще в 4-м веке революционной эры и в 2683 (ст. эры) еще оставался одним из самых любимых архитектурных стилей. Проезжая по городу, они видели десятки тысяч людей, заполнивших улицы, площади, бульвары и скверы. В этих массах высокоразвитого общества люди передавали друг другу содержание кратких и ясных сообщений ЦЕТАЗ, которое в соответствии с инструкциями ЗСНК опубликовало все секретные сводки. К 10:00 утра размеры катастрофы были известны всем, и тысячи людей, молча и затаив дыхание, следили за сообщениями ЦЕТАЗ, которые появлялись каждые 10 минут в виде специальных бюллетеней на экранах.

Кроме того, ЗСНК выпустил следующее воззвание к человечеству:

«Граждане!

Катастрофа, о которой вы читаете, по всей видимости, несет гибель и смерть всему человеческому роду, нашему труду и культуре.

Возможно, к шести часам вечера сегодняшнего дня (28-го июля 759 г. рев. эры или 2683 г. старой эры) суша и все живое на ней погибнут в водах океанов.

В эти часы, когда человеческая история на нашей планете близится к концу, мы — избранные и назначенные вами для исполнения власти — *призываем вас к спокойствию и сохранению порядка.*

С древнейших времен своего существования человечество неустанно боролось с природой и, покоряя ее, держало природу в своих руках. Так неужели в смертный час мы не сумеем спокойно заглянуть в ее черную бездну — неизвестность?!

Призывая еще раз к спокойствию и порядку, уведомляем вас, что будет сделано все для борьбы с катастрофой, и если это окажется в человеческих силах — род человеческий будет *спасен*.

Отдан приказ о выпуске каждые 10 минут сообщений ЦЕТАЗ. Секретные сводки отменены.

Этим утром уже перестали существовать африканский регион, часть американского, южная, северная и западная части европейского региона. Последняя станция Австралии, Мельбурн, отвечавшая до 11 1/2 ч., замолчала в 11⁴⁰.

Граждане — почтите память погибших братьев.

Президиум ЦИК и Земсовнарком.

28 июля 759 г. рев. эры (2683 стар. эры).

Пекин, 11⁴⁰ утра.

Это воззвание прочитали Бено и Элли Келлер при входе в зал заседаний в палате «Нового Китая».

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИНУТА

За огромным столом из красного дерева в форме 5-конечной звезды собрались члены ЦИК, его президиум из числа ЗСНК, а также делегаты региональных совнаркомов.

Зал в стиле китайского ренессанса (сочетание железобетона, стекла и старокитайской архитектуры и фресок) был открыт для посетителей. Сотни галерей и все свободные места были заполнены до последней щелочки. Зал был выстроен таким образом, что несмотря на переполненность, возвышение, где проходили заседания сессий ЦИК, его президиума и СНК-омов, было видно со всех сторон; кроме того, стены из стекла (специального производства) позволяли всем, кто не мог попасть внутрь палаты и в зал, видеть все, что происходило внутри. Телефонографы и радиорезонаторы разносили выступления и речи по всем уголкам города, а также по всем городам азиатского региона, еще не ставшим жертвами катастрофы.

На возвышении у стола в виде звезды присутствовали все заместители председателей региональных совнаркомов и центральных исполнительных комитетов. Председатели этих органов власти погибли вместе с миллионами людей, населявших распавшиеся регионы.

Заседание открыл заместитель председателя ЦИК земреспублики, старейший по возрасту гражданин — Генадзе.

За высоким креслом председателя стояла огромная статуя В. И. Ленина из белого мрамора, и как когда-то, 800 лет назад, указывала гранитной рукой путь освобождения и решимости.

— Граждане, — сказал Генадзе среди мертвой тишины. — Объединенное полное заседание президиума ЦИК и ЗСНК в присутствии большей части членов центрального исполнительного комитета, по поручению этих органов — открываю. Нашу земную республику постигла катастрофа, которая, очевидно, через несколько часов уничтожит и всех нас.

Человечество веками боролось и побеждало в битвах с природой и — сумеет спокойно и твердо завершить свое существование и историю.

Нам осталось не так много дел. На нашем заседании предлагается следующая повестка дня:

1. Констатировать ход развития катастрофы или положение, в каком находится сейчас человечество. Докладывают: а) ЦЕТАЗ — гр. Рольф, б) ЗСНК — гр. Бено.

2. Меры против катастрофы. Доклад — гр. Микадоли.

3. Последние инструкции.

Учитывая то, что эта повестка согласована с местными делегатами регионов, я считаю ее принятой, и прежде, чем перейти к повестке дня, позвольте почтить вставанием память миллионов наших братьев и граждан земреспублики, которые, проснувшись сегодня утром, не дожили и до времени нашего заседания и погибли в стихии катастрофы. Обращаясь к повестке дня, я заканчиваю словами, ставшими в последнем веке нашей революционной эры лозунгом всего нашего громадного коммунистического труда во имя покорения природы в интересах коллективного благосостояния общества и человечества:

«Мы из природы и против природы!»

Гр. Рольф, — ваш доклад — три минуты.

Рольф. В 12:00 еще отвечали некоторые региональные станции — Нью-Йорк, Москва, Будапешт, Чита. Последняя станция австралийского региона, Мельбурн, замолчала без нескольких минут 12. Недавно, кроме указанных, умолкли Буэнос-Айрес — последняя станция южноамериканского подрегиона, Гамбург и Париж. По всей вероятности, учитывая скорость процесса отключения станций, Берлин, Москва, Нью-Йорк могут исчезнуть под водой в течение часа. Интересно, что наименьшая угроза нависла над центральной частью азиатского региона, т. е. восточной частью Китая и Пекином, хотя она и находится близ океана. Однако, из Кантона сообщают о весьма значительном движе-

нии воды на южном побережье Азии; прямо сейчас сильнее ощущается сотрясение почвы. По известиям, переданным мне в последние три минуты, в настоящий момент не то начинают обрушиваться берега Индокитая, не то вода в этом месте поднимается и заливает сушу. Сводки из Клондайка и Сан-Франциско в Калифорнии говорят о таком же положении. Индия затоплена, океанские волны размывают Гималаи, Ганг бесследно исчез...

Закончил.

— Гр. Бено, — сказал председатель, — доклад о поездке в африканский регион.

Бено. Над африканским регионом мы пролетели между 10-ю и 11-ю утра. Точнее — над местом, где он находился. Одна вода, только вода... Никаких следов, кроме обломков дерева и изредка проплывающих трупов. Когда мы пролетали над Италией, море заливало Неаполь. Сейчас море затапливает Альпы. По данным ЦЕТАЗ, Триест не отвечает с половины 11-го утра.

Мнение ученых: начался процесс так наз. распада континентов. Этот процесс, предсказанный наукой, в настоящее время досконально исследовать невозможно. В целом, как полагают ученые, речь идет о тенденции пластов к объединению в виде слитных масс — однородных слоев вокруг центра движения. Но это только гипотеза.

По расчетам экспертов Бергмана и Андреева, основанных на скорости нынешнего распада — развития катастрофы, — окончание ее, т. е. момент, когда последний клочок суши исчезнет под водой, может наступить сегодня примерно около шести вечера.

Техническую подготовку так наз. «ликвидационной комиссии» я поручил инж. Желенскому. Ликвидационной комиссии будет поручено:

а) Воочию убедиться, что все континенты исчезли, погибли.

б) В случае, если окажется, что где-либо остались уцелевшие части континентов и люди на них, передать им необходимые аппараты, инструменты и припасы для выживания в первый период пост-катастрофической эры.

в) Члены ликвидационной комиссии в составе одного или двух членов ЦИК-а или его президиума, инженера, механиков и летчиков будут назначены нашим собранием, либо же это будет поручено сделать президиуму ЦИК.

Председатель. Доклады принимаем к сведению. Предложение гр. Бено относительно ликвидационной комиссии я предлагаю собранию утвердить с тем, что личный состав ее назначит президиум ЦИК. Возражений нет? Нет. Принято.

Приступаем ко второму пункту повестки дня. Три минуты для доклада имеет председатель Земсовнаркома гр. Микадоли.

Микадоли. Граждане! Главной задачей в нынешних, объективных условиях катастрофы, которую можно было и удалось выполнить, была немедленная концентрация воздушных флотов, что было завершено в 1/2 10-го утра, после получения первых известий о катастрофе в африканском регионе. Флоты перешли к спасательной операции. В какой-то мере воздушные флоты сумели «спасти» или на несколько часов продлить жизнь около 3.000.000 человек. Они были эвакуированы из угрожаемых регионов, преимущественно северо-африканского, европейского и южно-американского. Но цель и целесообразность этой работы сомнительны. Во время спасательной операции погибло значительное количество воздушных кораблей. В общем итоге, операция ничего не меняет. Нужно отметить, что даже со всей нашей техникой, — мы *бессильны*. Главная же задача — морально поддержать общество, оградить его от приступов массового помешательства, какое имело место в Индии — выполнена успешно. В настоящую минуту общество, *несмотря на почти полную безнадежность и невиданные размеры катастрофы — проявляет беспримерную и ге-*

роическую стойкость, спокойствие и хладнокровие. Я подчеркиваю это, ибо считаю, что в часы... (здесь его голос задрожал и он со сверхъестественным усилием овладел собой) в часы гибели всех достижений нашей культуры и цивилизации — человечество сумеет смело и твердо встретить логический ход процесса материи: — жизнь и бытие.

От имени Земсовнаркома я призываю всю нашу коммунистическую общественность — человечество — умереть спокойно и твердо, как те люди, что семьсот лет назад боролись и погибали — за победу, за наступление коммунистического периода в истории Земли и человечества...

— Мир, — в глубоком волнении воззвал он:

— Идущие на смерть — приветствуют тебя.

Гибнет мир! Да здравствует новый мир!

Тысячное собрание огромного зала, присутствующие на собрании в палате, сотни тысяч на улицах и площадях города ощутили вдохновенную решимость, и из уст сотен тысяч гибнущих людей раздались слова гимна «Коммуна», который еще в 2302 году сменил почитаемый, однако устаревший «Интернационал».

Но, допев «Коммуну», сотни тысяч голосов запели и этот старый боевой гимн давно минувших веков.

ПОСЛЕДНИЕ ИНСТРУКЦИИ

Пекин был в то время одним из величайших центров коммунистической культуры. Возрожденный Китай перегнал старую Европу и Америку.

Пекин ждал терпеливо, упорно.

Пекин молчал.

Высокая культура тогдашнего общества азиатского региона даровала людям способность и силу спокойно глядеть в глаза идущей им навстречу смерти. Паника, охватившая население Индии, не пересекла Гималаев. Она разбилась о баррикады их гранитных массивов...

Известия о гибели Европы, Африки, части Америки, сведения о погружении и исчезновении Гималаев в безднах водных глубин и водоворотов, не вызывали никаких видимых изменений в твердом, упорном состоянии духа людей, ждавших конца катастрофы. Остался только небольшой клочок центральной Азии. Прибрежные города сообщали по радиотелеграфу, что и на них начинает наступать водная стихия, заливая сушу; земля равномерно дрожала в мощных конвульсиях подземных сотрясений.

В то же время, в 1/2 2-го разразился страшный ураган и бескрайние водные просторы превратились в безумную оргию смертоносных, непреклонных волн. Временное спасение на лодках, пароходах, кораблях, давно забытых благодаря развитию воздушных линий, не имело никакого смысла, значения или надежды на успех.

В одной из прекрасных комнат-кабинетов дворца Коммуны в Пекине сидел гр. Микадоли, рядом председатель ЦИК, седовласый кореец гр. Чен-Фу, и Бено.

— Итак, вы назначили меня в т. наз. ликвидационную комиссию? Вы хорошо все обдумали? — заговорил Бено.

— Мы рассматривали этот вопрос еще до твоего приезда, Бено, и утвердили решение, которое я сейчас сообщаю те-

бе, — ответил Чен-Фу. — Род человеческий род погибнет. Помимо всех прочих причин, в ликвидационную комиссию, на всякий случай следует включить и женщину. Мы знаем о твоей любви к Элли Келлер и о ее любви к тебе. Знаем, что ты здоров и молод, и такими же качествами — обладает Элли.

И мы постановили: «В ликвидационную комиссию назначить Л. Бено, Э. Келлер и одного специалиста-инженера по их выбору. В дополнение — технический персонал». Вылет ваш назначается на момент, когда затопленные участки будут находиться в радиусе примерно 500 клм. от Пекина. По расчетам, после вашего отбытия эта территория будет затоплена в течение получаса или менее. Маршрут ваш таков: прежде всего, облететь бывш. американский регион; в это время там настанет день. Путь — с севера на юг. Затем свернуть, пролететь, если окажется возможным, над южным полюсом, и оттуда лететь по меридиану, проходящему вдоль бывш. африканского и европейского регионов. Далее с севера повернуть в сторону мест, где находился азиатский регион, и пролететь над Полинезией к местоположению бывш. австралийского района.

После того, как это будет выполнено — предоставляем вам свободу выбора.

Вы будете знать, что сделать, когда и как.

Вот и все, что я хотел тебе передать от имени ЦИКа — в последний раз.

Мы все останемся здесь, в Пекине, до самого конца.

Последние выводы ученых в отношении процесса распада континентов: центральная и восточная части азиатского региона будут затоплены последними. Но произойдет это до 6 часов. Возможно, уже в 3 часа дня.

Можешь отправляться, Бено.

Лицо Бено не отразило никакой тревоги, сомнений, неуверенности. Спокойствие и решительность прочертили на нем твердые, гранитно-кристальные линии. Он подал руку Чен-Фу, обнял Микадоли, с которым его связывала не толь-

ко сердечная дружба, но и общие воспоминания молодости.

Он сказал:

— У меня все готово; я рассуждал так же, как вы постановили. Сделаю все, что в моих силах...

Еще раз пожал им руки и вышел.

БЕЗ КОНТИНЕНТОВ

Среди бури и рушащихся, освободившихся от оков континентов, в волнах океанских пространств, в их черно-бездонных ревущих глубинах каждый миг гибели последние осколки регионов мировой республики советов; пропадали в хаосе безумной стихии весь человеческий род. В крошечном водном просторе, в который превратилась суша, как руки утопающего, взывающего о спасении, вздымалась еще небольшая часть Китая — все, что осталось от могущественного континентального древа бывшей Евразии, — древней колыбели человечества.

Последние оставшиеся в живых люди бывшего азиатского региона спокойно, с несокрушимой твердостью, без всякого волнения ждали часа своей смерти. А смерть приближалась с каждой минутой, с каждой секундой. Погибающие остатки коммунистического человечества ждали своей кончины со стойкостью закаленных борцов и упорством безумцев, без каких-либо мятежей и беспорядков. Общество понимало трагизм момента и бессмысленность отчаяния.

В 2 часа дня Пекин оставался внешне спокоен. Но громадные людские массы — прибывшие из ближайших местностей и все те, кому удалось спастись на самолетах из погибших регионов и на несколько часов продлить свое существование — покинули дома и помещения; все люди вышли на улицы и бульвары и жили лишь сообщениями правительства, становившимися все более и более краткими.

Последнее обращение правительства, ЦИК и ЗСНК, выпущенное в третьем часу, гласило:

Граждане! Четыре бывших региона-континента перестали существовать. Бывшая колыбель коммунистического человечества — Ленинград, и древний центр памятников первого периода коммунистической революции, Москва — исчезли в глубинах беспощадной водной стихии.

Нам остался клочок бывшего азиатского региона — радиусом не более 500-1000 клм. Наша жизнь продлится еще час или два. Об этом извещает вас законно избранный орган власти.

Сейчас, прощаясь с вами, сообщаем, что ликвидационная комиссия в составе Л. Бено, Э. Келлер, инженера-специалиста К. Желенского, механика и необходимого технического персонала после затопления всех участков суши отправится в полет над беспредельностью вод с целью окончательно убедиться в гибели всех континентов. Им разрешено покончить с собой по прошествии 24 часов с момента затопления мира. Если появится возможность спастись — они обязаны непременно ею воспользоваться. Печать Земсовреспублики и документы, касающиеся ее гибели, переданы председателю ликвидационной комиссии Л. Бено.

Прощаемся и в последний раз приветствуем вас словами, 300 лет назад заменившими коммунистическому обществу старые слова приветствия и прощания. Мы произносим эти слова вопреки природе, сотворившей и так безжалостно убивающей нас:

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНА!»

Человечество еще живет!

От имени президиума ЦИК и ЗСНК:

А. Чен-Фу, И. Микадоли.

28 июля 759 г. рев. эры (2683 стар. эры).
Пекин — 2 часа дня.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Ликвидационная комиссия собиралась в путь. На пекинском аэродроме, где громоздились поврежденные во время спасательной акции самолеты, стоял знаменитый самолет «Урицкий», два часа назад совершивший за 180 минут перелет Москва — Мадагаскар — Калькутта — Пекин. Рядом стояли два резервных грузовых аэроплана с запасом аккумуляторов. Аэродром — огромная площадка, окруженная стеной, — был безлюден. Сознывая безнадежность попыток спасти в воздухе, люди даже не думали воспользоваться самолетами. На них могла бы поместиться только незначительная часть населения, а коммунистическое общество не могло представить, что одни погибнут, тогда как другие будут продолжать жить, пусть и несколько часов: мысль эта была ниже уровня общественного развития и культуры. Высоким уровнем развития культуры объяснялось и отсутствие каких-либо волнений, насилия и беспорядков, всегда происходящих в минуты стихийных бедствий, паники и катастроф.

У аэроплана «Урицкий», контролируя исправность своей маленькой флотилии, стоял инж. Желенский; вместе с ним осматривали и проверяли аппараты механик и летчики.

В отдалении слышались шумы города, которые помимо повседневного гула и грохота обрели и какую-то поразительную ноту нервной силы и неслыханного напряжения. В Пекине собралось почти все население окраин и близлежащих провинций. Людские массы заполнили широко раскинувшийся город. В те времена в Пекине было 17.000.000 горожан, не считая жителей сельскохозяйственных коммун и промышленных пригородных районов. Можно сказать, что на улицах, площадях и бульварах ждали своей смерти, близящейся совместной смерти, около 90-100 миллионов людей самого культурного и высокоразвитого общества.

Инж. Желенский и летчик с механиком закончили работу и осмотр аппаратов и ждали. Ничто не предсказывало, что через час-два, — и этот последний клочок суши исчезнет в глубинах слепой стихии. Только откуда-то издалека доносился глухой шорох возносящих свои тяжелые жестокие тела волн Тихого океана. В окрестностях Пекина по-прежнему стояла ясная, сухая и ветреная погода — с «Тихого» веял легкий циклон, — и солнце светило как обычно в середине лета. Оно обдавало сухим жаром площадь, сотни аппаратов и зданий аэродрома. Инж. Желенский вошел в кабину самолета и, подняв трубку телефона, стал ждать ответа.

— Это вы, Элли? — спросил через минуту.

— Да, — прозвучало в телефоне.

— Когда приезжаете — и когда вылетаем? — спросил Желенский. — У меня все готово. Все, что должны взять с собой — на борту. Все материалы и инструкции я уже получил, последние привезет с собой Бено. Где он сейчас?

— У него еще есть дела во дворце Коммуны — в президиуме. Все, что необходимо взять с собой, у меня также собрано. Послушайте, Желенский, между нами: сохранится какая-нибудь часть суши — или нет?

— Завтра увидим, — последовал невозмутимый ответ инженера. — Значит, вы через пять-десять минут приедете?

— Думаю, да, — закончила разговор Элли.

Желенский отодвинул телефон и окинул взглядом аэродром. Кроме шести человек, возившихся у аппаратов, нигде не было ни души. Администрация покинула аэродром, аэропланное сообщение с другими провинциями было уже ни к чему. Все летчики, служащие, охранники отправились в город или разошлись по домам. Остались только часовые у въездных и выездных ворот.

На широкой, пустой дороге, надвое разрезавшей аэродром, показался механический двухместный автомобиль, приближавшийся на большой скорости к флотилии Желенского. В нем сидели Бено и Э. Келлер. Бено сам управлял машиной. Согласно постановлению президиума ЦИК

и ЗСНК, никто не должен был присутствовать при вылете ликвидационной комиссии. Спустя полчаса после вылета комиссия должна была отправить радиограмму в Пекин и, в случае получения ответа, — сообщать каждые 10 минут о ходе своей работы.

Бено вынул из автомобиля небольшую шкатулку, подошел к Желенскому и его флотилии и коротко сказал:

— Товарищи! Цели и задачи нашей поездки вам известны. Вы знаете, что должны выполнить задачу — удостовериться в гибели континентов и человечества. Я уверен, что мы даже из последних сил исполним наш долг. Если к отъезду все готово, — можем лететь. Я хотел бы также сообщить вам, что ЦИК подчеркивает важность нашей работы и, будучи убежден, что мы выполним ее и в самых исключительных и тяжелых условиях, приветствует вас и прощается с вами с самыми горячими чувствами, какие способны испытывать руководители — представители погибающего человечества.

Отправляемся, товарищи!

И первым шагнул в кабину «Урицкого», на котором три часа назад прилетел в Пекин. За ним вошли Э. Келлер и Желенский, который закрыл за собой дверь кабины.

— Взлет, — бросил по телефону самолетам.

Как по команде, закрутился пропеллер «Урицкого», и ему вторили два других.

Самолет легко и плавно, без малейшего сотрясения поднялся в небо... За ним последовали грузовые аппараты.

Бено посмотрел на хронометр, бросил взгляд на Желенского: инженер занялся компасом и приборами для ориентации в безграничном пространстве воздуха и воды. Оглянулся на Э. Келлер и сказал:

— В 3 ч. 15 минут, когда я выезжал из дворца Коммуны — не отвечала ни единая станция европейского или американского регионов. Нью-Йорк перестал отвечать в 2 часа. Последнюю радиотелеграмму из американского региона отправил Виннипег, Манитоба. Не отвечали также ни Багдад, ни Ташкент, ни Сингапур.

«Урицкий» винтовым движением поднимался в зенит. Когда самолет достиг высоты в 3.000 метров, Э. Келлер, все время смотревшая в зеркальный аппарат, сказала:

— Видимости почти никакой. До тысячи метров можно было различить людей на дорогах — они направлялись от берегов вглубь суши, к Пекину. Морские волны кажутся теперь черной, неудержимо движущейся вперед массой, которая словно поглощает континент.

Бено, смотревший во второй аппарат, отвернулся от него и, обращаясь к Желенскому, — спросил:

— 3.000 метров прошли?

— 3.270, — ответил тот.

— Если так, поворачивай прямо на линию нашего маршрута, — приказал Бено, — нечего глядеть на кончину человечества. У нас другой путь! Отныне мы — все оставшееся человечество!

Желенский передал по телефону приказ, пропеллер изменил темп и аппарат ровно и медленно поплыл на северо-восток, собираясь достичь горы св. Ильи на Аляске и оттуда свернуть вдоль северного полярного круга к берегам Гудзонова залива. Затем флотилия должна была повернуть и лететь по сотому меридиану прямо на юг, пересекая таким образом водное пространство над местами, где находилась Северная Америка, по линии Виннипег — Мексика.

Ветер с океана пригнал взвихренную вереницу облаков, мешавших разглядеть землю. Через 20 минут флотилия достигла места, где когда-то простиралась Камчатка.

Облака закрыли землю; сквозь них ничего не было видно.

— Вниз, — распорядился Бено, — пойдём в 300-500 метров над поверхностью воды.

Желенский передал распоряжение по телефону.

Аппараты нырнули вниз и минуту спустя снова направились вперед.

Они плыли теперь в безграничной тиши. Ее покров нависал над бескрайностью черных бездн океанских вод. В том месте, где была Камчатка, ни единый след, никакое движение, звук, обрывок живой или мертвой материи, не

напоминали о существовании чего-либо иного, кроме воды и облаков. Даже птицы исчезли — видимо, улетели туда, где еще оставался клочок суши.

А может, и они уже погибли?

Камчатка и прилегающая к ней часть азиатского региона исчезли без следа.

Там, где некогда располагался Берингов пролив, между крайней оконечностью северо-восточной части азиатского региона и Аляской, этим северо-западным полуостровом американского района, они повернули на восток и помчались вдоль северного полярного круга.

Э. Келлер посмотрела на часы и сказала Бено:

— Бено, пошел четвертый час — пора дать радиотелеграмму в Пекин.

— Знаю, — ответил Бено, — сейчас телеграфирую.

Он сел за аппарат и застучал клавишами:

«Миновали Берингов пролив, летим по линии полярного круга. Никаких следов континента на линии Камчатка — Аляска. К западу от острова Альберта повернем на юг над территорией, где находилась Канада. Отвечайте. Бено».

И он, и Э. Келлер, и Желенский, оторвавшийся от своих карт, вычислений и приборов ориентации — все они ждали ответа из Пекина.

Ждали, затаив дыхание, с болью в сердце. Секунды стали веками, кровь беспокойно билась в жилах и зловеще, с насмешкой ревел и смеялся пропеллер.

Прошли пять бесконечно долгих минут — ответа не было. Тогда Бено снова повторил на клавишах аппарата текст последнего сообщения.

И на сей раз радиоаппарат не отозвался звонком...

Бескрайние пространства воды и воздуха молчали...

ТОЛЬКО ОНИ

— Значит, мы — и только мы — все выжившее человечество, — сказал Бено. — Вперед, вперед, Желенский! Выполним нашу задачу, а после — вслед за нашими братьями.

Желенский снова склонился над расчетами и минуту спустя произнес:

— Летим над местом, где был остров Альберта. Поворачивать на юг?

— По маршруту, — ответил Бено.

Отошел от аппарата, у которого будто ждал ответа, пересек кабину и молча сел в углу у книжного шкафа. Вскоре Э. Келлер, все глядевшая вниз через зеркальный аппарат, поднялась и подошла к нему. С минуту они смотрели друг на друга...

Желенский также прервал расчеты и встал из-за своего столика.

На лицах троих людей, выполнявших последний приказ человечества, отражалась усталость.

Было и другое — ненужность жизни...

Желенский, погруженный в тяжкие думы, сел на диванчик, сложил руки между коленями и опустил голову.

Слова исчезли где-то в неизвестности, мысли обрели какую-то необычайную ясность и жестокую быстроту.

Э. Келлер нежным женским движением прижалась к Бено и одновременно, едва сознавая, что делает, с искренним и глубоким чувством ласково положила руку на склоненную у ее колен голову Желенского.

Они были для нее чем-то большим, чем братья, любовники, товарищи... Чувства, наполнившего в этот миг ее грудь, не испытывала и не знала ни единая женщина в мире.

Бено первым пришел в себя.

— Разнежились, друзья, — сказал твердым голосом. — Нельзя — и не время.

Он поднялся на ноги.

— Нужно выполнить задачу.

Решительность и сила мощным аккордом зазвенели в его словах.

Одновременно он неловким и смелым движением склонился к Э. Келлер и нежно, с глубоким чувством поцеловал ее в голову. Обнял рукой Желенского...

— Вперед, вперед, товарищи, завершим наш маршрут, — вперед, дорогие!

И направился к зеркальному аппарату.

Внизу под дыханием мягкого ветра морщинилась, шла складками поверхность вод. Была половина шестого вечера по европейскому времени, а здесь, над бывшим американским регионом, светало. Слева от линии маршрута заалело пурпуром и золотом небо, очистившееся от туч, отразилось в ритмично волновавшейся, подвижной водной беспредельности. Где-то на краю небосвода, там, где пурпур и золото начинали сливаться в миллионы радужных, цветисто-ярких электрических молний, появилось облако, нарисовалось на светлом фоне длинным мягким телом — словно большая птица. Птица летела навстречу солнцу...

— Шестой час, — сказал Бено. — Вечер 28 июля по времени восточного полушария. Даю последнюю радиотелеграмму:

«Всем, всем, всем!

Ликвидационная комиссия Земсовеспублики призывает любую работающую или уцелевшую радиостанцию немедленно известить о себе. Мы над 100-м меридианом. Бено».

Но и на этот призыв, отправленный предельным напряжением мощности радиоаппаратуры, не последовало никакого ответа.

Желенский снял трубку внутреннего телефона и бросил слова команды. Приказал:

— У аппаратов работать посменно. Мы в кабине также будем дежурить. Нам предстоит еще 20 часов пути. Континенты исчезли, на наши обращения по радио никто не отвечает. Лететь прямо по 100-му меридиану.

А тем временем взошло солнце.

Сперва показало из воды красный край и миллиардом златопламенных стрел осыпало воды. После словно затрепетало от напряжения, с трудом, всем телом оторвалось от поверхности вод и вознеслось в небеса. Багрец и пурпур сменились светлым теплом. Беззаботно и радостно смеясь, солнце осветило походную обстановку кабины.

Лучи жизнетворящего света пронзили вселенную...

— Бено, — сказал Желенский, — я посплю час или два, а ты подежурь. На 6-м градусе южной широты, над местом, где находилась Патагония, поверни на восток.

Он разложил кресло, стоявшее слева от стола, прилег и мгновенно заснул.

Усталость, неодолимая усталость овладела Бено и Э. Келлер. За моторами, работавшими без отдыха и перебоев, — следили дежурные летчики. Прочие также уснули каменным сном изнеможения, забылись в смертельном, последнем отдыхе.

События уходящего дня истожили нервы этих людей...

Бено посмотрел в зеркальный аппарат.

Он отражал только синевато-желтый, золотистый, солнечный водный покров....

Э. Келлер устало опустилась в широкое полукресло, посмотрела на него. Бено почувствовал на себе ее взгляд. Он ощутил желание сбросить на миг жесткую маску долга; захотелось стать на миг маленьким мальчиком; он вспомнил детство...

Подошел к Элли и мягким движением прижался к ее коленям... Сомкнул глаза.

Почувствовал только — нежные женские руки на своей шее... Она звала его в последний раз в страну любви. Их губы соприкоснулись в сонной истоме забвения...

Они уснули...

Играли, играли пропеллеры песню ритмичную.

Флотилия шла вперед по маршруту.

МИРАЖ

Было уже два часа дня (ночи — по времени восточного полушария), когда проснулся Желенский.

Быстрым взглядом окинул кабину. Бено и Э. Келлер спали рядом друг с другом, как двое детей.

Посмотрел в зеркальный аппарат.

От иллюминатора кабины тянуло холодом. Бескрайние воды, бушуя, ворочали ленивые тела черно-зеленых волн. На волнах мелькали льдины и острые высокие сколы ледовых глыб. *Уничтожение центральной тепловой станции ввергло окраины южного полярного круга в забытый век — в варварскую эпоху разных температур.*

— Идем вдоль южного полярного круга, а может, еще южнее, — прошептал он сам себе.

А температура быстро снижалась...

Вскоре установил, что флотилия уже пересекла южный полярный круг, и немедленно повернул ее вдоль ближайшего меридиана на север. Он решил, постепенно забирая на запад, достичь мест, где находился когда-то африканский регион.

Водные пространства, над которыми летели три аэроплана, молчали. Постепенно исчезли обломки льда и только что образовавшиеся ледовые горы. Температура повышалась. Чувствовалось, что близок тропик Козерога.

Желенский встал из-за стола, глянул в зеркальный аппарат и вскрикнул.

На линии, где в зеркале темно-синяя поверхность вод переходила в ясную голубизну небосвода, чернела маленькая темная точка — будто вершина горы, высившейся на острове.

— Бено! Элли! — закричал он нечеловеческим голосом. — Не континент ли это?!

Бено и Элли стряхнули сон и, мгновенно пробудившись, уже глядели в ту сторону, куда указывала вытянутая рука Желенского.

— Не континент ли это?! — воскликнули все.

— Прямым ходом вперед, — отдал летчикам телефонный приказ Желенский.

Словно с новыми силами помчалась флотилия. Зазвучал новой песнью, новым ритмом гул пропеллера. А в зеркале аппарата, куда с неслыханным, напряженным ожиданием вглядывались три человека — маленькая черная точка росла — увеличивалась в размерах...

Был ли то континент?

Читатели! — Автор самым бессовестным образом солгал:
Человечество будет жить еще тысячи, тысячи лет!

КОНЕЦ

ЭЙНШТЕЙН

ЭЙНШТЕЙН

(Материалистическая поэма)

Великому революционеру науки
А. Эйнштейну в пятый год
революции посвящаю.

АВТОР

I

В планетных, бескрайних просторах
Плывет земля...
В космических, эфирных безднах
Плывет солнце...
И нескончаемые, неисчислимые миллиарды
Разноцветных звезд...
Меж ними кометы и метеоры,
Злой доли или судьбы
Бессмысленный знак,
Друг за другом бегут
Наперегонки веками,
И — не достигают конца —
Бесконечности.
ПОЛЮСА КОСМОСА — где вы?!
Где вы — пределы беспредельности,
Каких не достигает мой взор,
А иные видит,
А другие различает,
Мой разум — дальнозоркий...
В планетных, бескрайних просторах
Плывет Земля...
А может, и не плывет?..

Быть может, ошибается
Мой разум — дальнзоркий...

Силой ее движенья плыву и я,
Я — атом,
Я — пылинка,
Прикованная к ней
Неведомым законом...
Я — плыву вместе с нею,
И потому не знаю:
«Плывет ли она?»

О, солнце!
Огненное, ясное СОЛНЦЕ!
На тебе кипят растопленные радий и гелий,
На тебе красные вулканы протуберанцев,
Ты веками греешь меня.
Я — пылинка,
Творение света и тепла твоего.

Ты летишь к вратам Геракла,
И я — Земля,
Меркурий, Марс, Венера,
Плывем с тобою.
Мы — связанные твоим могучим движеньем
Вихрем, что мчится:
В БЕСКОНЕЧНОСТЬ.
И мы плывем за тобой,
По твоему закону:
Огненной, животворящей и смертоносной волны.

И что моя мысль,
Мысль пылинки — в сравненьи
С вечным твоим законом?
Что бессильный протест массы
Земного шара?..
Она плывет за тобой
Покорная,

Как скованный раб.
В силе ли я познать
Солнечный твой закон?
Способен ли познать
Закон,
Влекущий тебя веками,
К Геркулесовым вратам?
Я функция твоего движенья,
Я — раб твой, покорный невольник,
Я — плывущий твоим движеньем,
Мыслящий теплом твоим и светом,
Мечтающий синевой лучезарных твоих пространств.

Я знаю движенье — ибо это твое движенье.
Я знаю свет — это свет твой.
Это твой — «ОГОНЬ, ОГОНЬ, ОГОНЬ!»
И кровь моя,
Красная, лучезарная кровь,
Это:
ТВОЙ ВЕКОВЕЧНЫЙ ОГОНЬ.

Нет пространства — лишь Ты.
Не существует времени — лишь Ты,
Я и Земля, и вековечное наше движенье,
Лишь бег твоих лучей,
И все вокруг, весь космический водоворот,
Воздуха, воды, жизни, камня,
Ты — могучее, ты — неизвестное,
В цепи движенья вечно закованное,
Это ты — всеильное и пылающее
Кровавым светом, блеском огненным —
СОЛНЦЕ.

...Это ты направляешь мой путь,
В СУДЬБЫ ТЕМНОТУ — МЕНЯ ГОНИШЬ...

II

ОГОНЬ! СВЕТ!

Прометея трагический гений

Познал их мощь.

От него исходит человеческой мысли

Быстрый, изменчивый поток.

По его взметенным волнам

Уносился корабль

Птолемея.

Он разбился на скалах-порогах,

Что встали на пути, —

Корабля...

«Время и пространство, пространство и время

Я вижу, я слышу, определяю,

Я — вас понимаю!»

Неудержимо плывет поток идей

В глубинах творящих, тяжких столетий,

В недрах земли, во тьме бесконечностей

Родился сон тысячелетий.

Что все системы и сила мысли?

Что стоят все наши идеи?

Что он — момент тысячелетий,

И смысл жизни точек-людей?

Катится в бесконечности веселое солнце,

Ведет за собой громады планет,

На них неведомые, проворные создания

Знают тьму ночи и дня разлад.

СТОЛЕТИЯ-ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ,

Миллиарды неуверенных оборотов,

НЕСКОНЧАЕМАЯ ДОРОГА

БЕПРЕРЫВНОГО ДВИЖЕНИЯ...

Куда ты покатилося?!
Где исчезло в бесконечной пропасти
ПРОШЛОГО?
Где место мое в нескончаемом туннеле
Времени?

Застынь на миг, безудержное движение,
Я должен определить свое место
В твоей бесконечности.
Я хочу выйти из этих неуловимых
Для ума математика:
«ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ»!

Рухнуло величественное здание.
Камни времени и железо пространства
Безнадежно рассыпались
Бесплодными руинами.
Рухнуло величественное здание.
Камни времени, железо пространства
Помчались в эфирные поля...
И те поля — не эфир,
Но лишь грубая, жестокая материя.
Тяжести нет...
Эта ложь — выдумка наших нервов,
Вековая ошибка математических умов.
Хаос и космос — не беспорядок...
Они бесконечность — без пространства...
Поймет ли ее разум,
Ничто по сравнению с нею?
Смех — гордый смех гения,
Нашедшего в правде — неправду,
В безделье — дело,
И сделал — миллиарды лет
Миллиардной частью секунды,
А бесконечность пространства —
ТОЧКОЙ...
И гений — ничто...
Нечто неведомое...

МАТЕРИЯ, МАТЕРИЯ, МАТЕРИЯ.
ДВИЖЕНИЕ И ДВИЖЕНИЕ.

Я зубец бесконечной дуги
Колеса бесконечности.
Вижу один зубец, другой, третий,
Сотый, тысячный...
А миллиарды их для меня не существуют.
Но я знаю, они есть!
Я вычислил их упорной логикой
И безошибочностью математика.

В бесконечном туннеле времени,
Что составляет неуловимую, крошечную часть
Секунды,
Вековечное движение
Минуло точку
Красного огня.
Его предвосхитили
Громы миллионов орудий,
Громады могил,
Треск радиоволн
И кружащийся шум пропеллера.

В этот миг,
Когда рушились основы
Старого мира,
Летели на помойку истории
Грязные документы традиций,
Когда:
Триумф миллионов —
Заглушил голоса тревоги,
Безумную злобу,
И — святейшие анафемы:
РУШИЛОСЬ ТАКЖЕ
ВЕЛИКОЕ ЗДАНИЕ ИДЕЙ.

Летели в пропасть прошлого
Рассыпанные камни времени,
Падало невесомое, изломанное,
Ржавое железо пространства.

В центре могучего водоворота
Атом, электрон, квант, пылинка,
Ломали творения прошлого.

Атом кричал:
«МАТЕРИЯ И ДВИЖЕНИЕ!
МАТЕРИЯ И ДВИЖЕНИЕ!»

И голос его
Прогремел в эфирных полях —
БЕЗ ЭФИРА...

Бесконечность пространства
Сжалась в точку,
БЕСКОНЕЧНОСТЬ — ТОЧКА,
ТОЧКА — БЕСКОНЕЧНОСТЬ...
Миллиарды лет — секунда,
Секунда — миллиарды лет...

АТОМ ЗАСТЫЛ НА ТОЧКЕ
В БЕСКОНЕЧНОМ ТУННЕЛЕ ВРЕМЕНИ
И — кричал:
«МАТЕРИЯ И ДВИЖЕНИЕ!
МАТЕРИЯ И ДВИЖЕНИЕ!»

Кровавый свет
Горел на окраинах космоса.
Родился новый день — СЕКУНДА,
Год — СЕКУНДА,
Века — СЕКУНДА,
БЕСКОНЕЧНОСТЬ ВРЕМЕНИ — СЕКУНДА...
БЕСКОНЕЧНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА — ТОЧКА...

ЗОРИ!
КРАСНЫЕ ЗОРИ!

III

Средь пыли рассыпанных звезд
Удивительно быстро
Катилась планета.
Блестящая точка в пространстве.
На этой пылинке,
Веками крутившейся по орбите,
Неведомый процесс материи
Зажег мысль
«В ничтожном, слабом создании».
И оно, затаившееся, связанное
С пылинкой-планетой
Линиями мыслей,
Прямыми и кривыми
Идей,
Связало ХАОС — КОСМОС
«В систему».
Материя и движение, материя и движение!
Катилась система
В нервной системе человека.
Линии мыслей связали
Концы бесконечности.
Сплели рассыпанные цветы
Колдовских звезд
В космический венок миров.
В мертвой тиши, бесследно
Уходили они в пространство.
И человеческий крик,
И гул миллионов,
Грохот машин и моторов,
Рык одичавших пушек
Были ничем...

Меж полюсами бесконечности
Царит тишина...
Она одновременно:
Ритмический рев машины космоса...
Беззвучная тишь...
Ярчайший свет —
Безнадежная тьма — темнота.

На планете,
Что с бешеной скоростью
Неслась по орбите,
Во мраке веков и тусклых просторах
Сидел человек.
Зубами вгрызался в тайну космоса.
Руками — молотом мысли
Дробил ее крепкую стену.
Кровь в мозгу
Неслась со скоростью планеты,
Рождала линии, окружности, эллипсы.
Гордиев узел пространства
ДЕТСКИМ БУБЛИКОМ СТАЛ!
СМЕХ ГЕНИЯ...
КОСМОС ДЕТСКАЯ ЛОЖЬ
БЕЗУМНЫХ ДУМ.

Потоки слез и крови,
Трагедии поколений,
Радости и безумства
Тысячелетий,
Пики сражений и горизонты фантазии,
Озера любви и океаны ненависти,
Следы культуры
На дорогах времени и пространства
Засыпал снег бесконечности.
Смолк крик рыдающих атомов...
СПАЗМ РОДИЛ ЧЕЛОВЕКА —
ЗАМЕР В ВЕЧНОЙ ТИШИ.

Человек-атом
Сидел на пылинке-планете —
Зубами вгрызался в тайну космоса...
Теперь не кричал...
Простер руки мыслей
И — поймал
КОНЦЫ — ПОЛЮСА КОСМОСА.
Придавил ногой разума
Уползающую гадюку времени...
Она свернулась
В МЕЛКОЕ КОЛЕСО СЕКУНДЫ. —

Стеклянная банка
С ядом вечной тайны,
ТРАГЕДИИ,
Разлетелась на тысячу осколков.
И тайны не осталось,
Ее никогда не было...
НАИВНАЯ ИГРУШКА —
БУБЛИК ДЕТСКИХ ЛЕТ!

Нет тайны.
Исчезла моя беспомощность
При встрече с космосом.
БЕСКОНЕЧНОСТЬ —
ОТКРЫТА ТВОЯ ВЕКОВАЯ ЛОЖЬ.
«Я — МАТЕРИЯ И ДВИЖЕНИЕ»,
Я — КОСМОС,
Я — БЕСКОНЕЧНОСТЬ
НИСХОДЯЩАЯ К ЗЕРО.
Я поймал полюса солнечных бездн
И бросил в тюрьму
Мною избранного места.
Вы там, где запер вас я,
А Я КОЧУЮ С ВАМИ
ПО СТЕПЯМ МАТЕРИИ.

И в степях вечное, радостное движенье!
Бабочки, цветы, радостный птичий лет,
Мой смех и слезы:
ЭТО ТЫ. —
Нет больше тайн!..

ПРОМЕТЕЙ, ПРОМЕТЕЙ,
Для чего красть огонь
У небесных богов,
Когда сам ты огонь,
Когда сам ты: материя и движение?
Справедливо, брат мой
Покарали тебя, приковали
И кровь точится из ребер. —

АТОМ НА ТОЧКЕ
РАЗГРЫЗ ЗУБАМИ
ТАЙНУ КОСМОСА. —

А в пространстве вековечная тишина
Солнца первобытный свет, тьма веков,
Созданные «неведомым духом творения»,
Бывшие некогда — глубинами судеб,
Таковыми могучими, такими лукавыми.
Все эти материи: **БЕСПРЕРЫВНОЕ ДВИЖЕНИЕ.**
И все, что было — наивная брехня,
И наступит минута великого дня,
Когда не останется ни следа жизни.
Когда могучее колесо «вперед»
На путь повернет неизвестных комет,
И вновь возвратит: «**НАЧАЛО БЫТИЯ.**».

Тогда-то атом, прикованный к точке,
Будет грызть гранит космоса
И вновь сотворит из материи и движения
Новую систему — **СИСТЕМУ ИЗ ХАОСА.** —

Исчез, не вернется:
«НЕВЕДОМЫЙ ДУХ ТВОРЕНИЯ».
А БУДЕТ ЛИШЬ:
«МАТЕРИЯ И ДВИЖЕНИЕ».

Москва, 8. XII 1922.

Приложения

ВЛАДИМИР ГАДЗИНСЬКИЙ

Галиция — лежащая по ту сторону политических рубежей Украины — не лежит и не лежала никогда вне рубежей украинской культуры. Довоенная Галиция дала украинской литературе великого Ивана Франка и крепкого мужика-бытовика Стефаника. Довоенная Галиция, где украинская общественность не была так подавлена и так придушена, как в российской империи, одно время даже задавала тон общеукраинскому литературному движению. Сейчас роли переменились. И в какой громадной пропорции переменились эти роли! В то время как на советской Украине украинская культура стала культурой государственной и народной — культурой массового творчества и массового потребления, в это время галицийский украинец лишен Польшей даже того жалкого культурного самоопределения, какое он имел при австрийцах. Теперь лучших своих сынов Галиция посылает в советскую Украину. Теперь лучшие страницы своих лучших передовых журналов Галиция посвящает пролетарским поэтам, творящей советской Украине.

Из литературных сынов Галиции, потянувшихся на советскую почву для работы на ниве пролетарской коммунистической культуры, надо прежде всего упомянуть Володимира Гадзиньского. Гадзиньский пришел в советскую Украину в 18 г. не только как поэт, чувствующий, что подлинный расцвет своего творчества он найдет в стране культурного ренессанса и великих социальных достижений. Он пришел на Украину прежде всего как коммунист и политический деятель для строительства и защиты социалистической страны своего народа. Именно поэтому он в течение первых лет своего пребывания на советской Украине художественному творчеству посвящает слишком мало времени, изредка печатая стихотворные агитки под псевдони-

мом «Йосиф Грех». Между тем начало литературного творчества Гадзиньского относится к 1908 г. С этого года он выступает во львовских журналах, главным образом в журнале «Неділя», «Ілюстрована Україна» и др. Литературная работа его была прервана войной, когда поэту пришлось сражаться на всех фронтах, которые только имела Австрия (итальянском, русском, сербском и даже французском), чтобы после этих сражений прийти к новому фронту — фронту гражданской войны на Украине. Новое художественное творчество Гадзиньского — уже на ниве советской республики — открывается вышедшей в Москве книгой поэм «З дороги» [«С дороги»]. В этой книге (еще отчасти проникнутой духом агиток) Гадзиньский стоял — поистине — на дороге к выявлению своего нового литературного лица, которое мы ясно увидели в его последних поэмах «УССР», «Титан» и главным образом в поэме «Эйнштейн».

Каково литературное лицо Владимира Гадзиньского? Его характерные особенности? Это прежде всего сциентизм. Тот сциентизм, прекрасную формулировку которого — практическую и теоретическую дал современный французский поэт Рене Гиль. Этот сциентизм, который в Россию был введен Брюсовым — его «Семью цветами радуги», а во Франции — Сюлли-Прюдомом и впоследствии философскими поэмами Рюйо, — этот сциентизм в украинской литературе до Гадзиньского никем не был представлен. Сциентизм — это не есть научная поэзия, как иные расшифровывают этот термин. Научная поэзия — это фактический нонсенс. Сциентизм — это поэзия науки, поэзия научно мыслящего человека, поэзия современника, неудовлетворенного тематическими пустышками и примитивами, хотя бы великолепно разукрашенными, это поэзия, которая должна отвечать читателю на насущные вопросы современного научного мышления. Если сциентизм не имел и не мог иметь успеха лет 15 тому назад в дни декаданса, когда поэты еще не истощили окончательно своего изощренного варьирования примитивнейших тем, то сейчас, в дни ренессанса, в дни пресыщения формальной поэзией, темы сциентиста станут темами широкого круга читателей. Вот поче-

му сциентизм Гадзинського, особливо цінний тим, що у нього нет надлишнього зловжиття науковістю і особливо рьяного ліквідування лірики, — нельзя не считати своєчасним.

В цьому відношенні характерен «Ейнштейн», найбільш цікава з віршів Гадзинського (кстати, вельма просвітченого в області фізико-математических наук). Здець не тільки дифирамби «Второму Копернику», но і глибоке вчуття автором принципу відносності, злишком далекого від перевірки його первичними чутствами. Друга вірш «УССР» представляє собою новий літературний спит, незнакомий даке заападневропейської поезії. Ето, конечно, не географія в віршах, ето любопытнейшая вірш України, де кажда губернія воспринимается як живою індивідуальний організм, рассматриваемый поэтом со всех сторін: історическої, соціально-економіческої і географіческої. В третій вірші «Титан» Гадзинський формально ближе всего к левому експрессионизму. «Титан» — вірш о больном Ленине, «чей пульс тихо считали миллионы миллионов», вірш «сумевшему повернуть историю человечества, как умный мужик подводу», ета вірш антиципирует будущие вірші некоторых немецких экспрессионистов, написанные после смерти Ленина.

Гадзинський культурно різносторонен. Он не тільки поет, но і літературний критик, давший ряд цікавих аналізів сучасній поезії і марксистське обоснование животрепещущей проблеми форми і содержания. Ета різносторонність Гадзинського (здесь надо напомнить, кроме того, и о переводах Верхарна, сделанных поэтом) вельма типична для поета-сциентиста, каким является Гадзинський і вызовет интерес к этому писателю, которого послевоенная Галиция подарила Украине.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уже несколько лет я как поэт стал объектом исключительно «пристрастной» критики со стороны плеяды наших литературно-критических знатоков — от Коряка, Блакитного и других из столицы Харькова до киевского провинциального критика академического масштаба — Дорошкевича. С другой стороны, встречаю холодное молчание со стороны некоторых редакторов от «Путей искусства», через Тычину из «Красного пути» к кооперативному «Новому обществу».

Это исключительно пристрастное отношение выразилось в фактах невозможности печатания на Украине моих литературных работ последних лет и абсолютного молчания в рецензировании моих книг (поэзии), как-то «С дороги» (Москва, 1922), сборник «Москфильгарт», издание Московского филиала Гарта (Москва, 1924), вычеркивание мест с критическим анализом моей поэмы «Эйнштейн» в рецензий К. Марусика (в № 4-5 «Красн. пути» за 1924 г., стр. 293-294) на № 1 журнала «Новая культура» (Львов, 1924) и т. д.

СЛОВОМ — БЛОКАДА НА 100%!

Потому, выпуская в свет новую книгу (а я знаю, что доставлю этим большое удовольствие указанным выше поклонникам моей музыки), считаю нужным сделать несколько замечаний на тему нашей литературной критики, в частности ее так называемых «внутренних обстоятельств».

Я утверждаю, что литературная ценность наших критических и библиографическо-рецензионных «обзоров» относится к тем «областям» украинской художественной литературы, куда не заглянул еще октябрьский луч и большевистская прямота и твердость высказанных взглядов и где — еще царит такое положение, при котором «гневная ог-

раниченность филистерской критики не знает развития» (Меринг).

Господство редакционной бюрократии вызывает время от времени взрывы недовольства молодежи против «олимпийцев», а еще больше против личных оценок: «не понравился уважаемому редактору, не улыбнулся ему должно “благородным” образом и, что еще хуже, скептически высказался по адресу его авторитета, — дело кончено — произведения не подходят, они бездарны, невыдержанны, словом — “публицистика — не поэзия, виршеплетство — не талант, графоман — не писатель”...»

Словом — без апелляции, — приговор окончательный и «обжалованию не подлежит»!

Мне кажется, что пришло время очиститься от этих нездоровых условий; кроме того, я считаю, что их не смоет с лица украинской художественной литературы недавняя дискуссия о «Сатане в бочке» и других любопытных вещах...

Слишком глубоки корни дореволюционных привычек в художественной литературе, чтобы их можно было ликвидировать дискуссией между олимпийцами и т. д. Их необходимо так же глубоко подрезать в художественной литературе, как Октябрь подрезал экономические корни украинского хуторянства.

Начало этому выпалыванию может положить только всеукраинский съезд революционных писателей, который и для нашей литературной критики — этой «ограниченности без развития» — должен стать краеугольным камнем будь то «европейского» или «азиатского», но безусловно Красного Ренессанса.

Об авторе

Владимир Антонович Гадзинский родился в семье служащего в Кракове в 1888 г.; в возрасте пяти лет переехал с семьей в Станиславов (ныне Ивано-Франковск). В 1906 году закончил реальную польскую школу, в 1907-1909 гг. учился в Львовской Высшей политехнической школе, публиковался в галицкой периодике. В 1909-м был призван на военную службу сроком на год, после чего продолжил учебу на физико-математическом факультете Венского университета (1910-1913). С началом Первой мировой войны, в августе 1914 г. вступил в ряды Украинских сечевых стрельцов (воинского формирования в составе армии Австро-Венгерской империи), в 1915-16 гг. воевал на Тернопольщине, попал в русский плен.

После революции 1917 г. записался в Украинскую Галицкую Армию, затем перешел на сторону Красной Армии, в 1918 г. вступил в КП(б)У. В 1919 г. редактор революционно-демократического еженедельника «Республиканец» в Станиславове. В 1920 г. перебрался в центральную Украину, редактировал журнал «Про-

летарська освіта» («Пролетарское образование»), состоял в объединениях пролетарских писателей. В 1921 г. переехал в Москву, где стал одним из основателей литературной группы «Село і місто» («Село и город»), организатором и издателем авангардного украинского журнала «Нео-Леф». С 1925 г. жил в Одессе, преподавал в высших учебных заведениях. Был одним из лидеров объединения пролетарских писателей «Гарт», председателем одесского филиала Государственного издательства Украины, редактировал журнал «Блиски» (1928-29). Многие стихи, а также критические статьи и рецензии Гадзинского (под псевдонимами «Оскар Рединг» и «Йосиф Грих») были опубликованы в одесском журнале «Металеві дні» («Металлические дни», 1930-1932).

В поэзии Гадзинского слышны отзвуки экспрессионизма, биокосмизма, «научной поэзии» Р. Гиля и В. Брюсова (он считается одним из основателей украинского извода «научной поэзии»). Его перу принадлежат поэмы «УССР» (1925), «Эйнштейн» (1925), «Земля» (1925), «Призыв Красного Ренессанса» (1926), «Разум» (1929), поэтические сборники «С дороги» (1922), «Не-абстракты» (1927), книга критических статей «Фрагменты стихии» (1927), неопубликованный роман «Освобождение Украины» и др. произведения. Критика 1920-х гг. реагировала на его поэтические сочинения прохладно, отмечая тяжелый стиль и насыщенность текстов галицкими диалектизмами.

В. Гадзинский умер в Одессе в августе 1932 г. при невыясненных обстоятельствах (по одной из версий – покончил с собой).

Перевод повести «Конец» выполнен по первому изданию: Одесса, «Гарт», 1927.

Перевод поэмы «Эйнштейн» выполнен по первому изданию: *Эйнштейн. Земля: Поэмы* (М., СІМ, 1925). Из этого же издания нами взяты образение Гадзинского «К читателям» и написанное на русском языке предисловие А. Лейтеса; в обоих случаях исправлены некоторые устаревшие особенности пунктуации.

Оригинальные издания данных книг разыскал и вернул читателям В. Е. Настецкий (Киев). В биографической справке использованы материалы В. И. Карацупы.

Оглавление

Конец	6
Эйнштейн (Материалистическая поэма)	45
Приложения	
А. Лейтес. Владимир Гадзиньский	59
В. Гадзинский. К читателям	62
Об авторе	64
Источники	66

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.